



**«КАЖДЫЙ ПЕДАГОГ —
ТВОРЕЦ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»**

Интервью с И.С. Стогний



Ирина Самойловна Стогний, доктор искусствоведения,
профессор кафедры аналитического музыкознания РАМ им. Гнесиных,
главный редактор научного журнала
«Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных»
Фото – Дарья Кинякина

Ирина Самойловна Стогний – доктор искусствоведения,
профессор кафедры аналитического музыкознания Российской ака-
демии музыки имени Гнесиных, главный редактор научного журнала
«Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных».
Автор музыковедческих научных проектов, комплекса исследова-
тельских работ, посвященных актуальным музыкально-

теоретическим проблемам¹. Создатель нового факультативного курса «Музыкальная семиология» для музыковедов и композиторов в высших музыкальных учебных заведениях.

В интервью Ирина Самойловна рассказывает о разнообразных направлениях многолетней научной деятельности, о своем становлении как музыканта и ученого, о роли Гнесинской школы в ее жизни, об ответственной руководящей работе.

О.М.: Ирина Самойловна, в Вашей научной деятельности, прежде всего, обращает на себя внимание диапазон проблем, имен композиторов и произведений, о которых Вы пишете. С чем связан такой широкий круг интересов и как он вообще возможен в специальных научных исследованиях?

И.С.: Тематику моих работ можно обозначить одним словом – семиотика. Все семиотические идеи как раз и проверяются на различном материале, поскольку, если теория верна, то она должна «работать» в разные эпохи, применительно к разным жанрам, разным композиторам. Круг имен постоянно расширяется.

О.М.: Иными словами, семиотический анализ – это универсальный метод, который подходит для рассмотрения практически любого музыкального произведения?

И.С.: Да, безусловно. Семиотика – это обширная наука, в чем-то сродни философии. Это не один принцип познания, но комплекс подходов, так или иначе направленный на понимание смыслов. Семиотика – это наука о смыслах. Методов здесь столько, сколько самих

¹ Список основных публикаций И.С. Стогний на сайте Российской академии музыки имени Гнесиных: <https://gnesin-academy.ru/stognij-irina-samojlovna/>.

смыслов, то есть они бесконечны, и семиотика как наука тоже бесконечна.

О.М.: Как раз об этом и идет речь в Вашей докторской диссертации². Могли бы Вы кратко представить направления, которыми занимается музыкальная семиотика?

И.С.: Семиотика дает возможность понять глубинные процессы, внешне малозаметные, но часто играющие решающую роль. В диссертации эти процессы названы *коннотациями*. На примере разных эпох, разных композиторов, жанров, произведений рассматриваются коннотации, которые обеспечивают, с одной стороны, многоплановость или полифоничность содержания, а с другой – оказываются внутренним «режиссером» повествования³.

Поиск коннотаций предполагает умение выявить очень мелкие детали, которые потом разрастаются и превращают повествование в нечто целостное. Однако это не единственно возможное направление, которое представляет семиотика. В ней есть самостоятельный раздел *нарратологии*, очень востребованный сегодня в искусствоведении; современная *герменевтика* – наука о феномене интерпретации. Иными словами, семиотика дает возможность по-новому осмысливать все, что хорошо знакомо. На мой взгляд, она только в начале своего пути в музыковедении.

С.П.: Вы с равным интересом анализируете и произведения с участием вербального, словесного текста, и инструментальную музыку. Как в последнем случае добраться до смысла музыки и при

² *Стогний И.С.* Процессы смыслообразования в музыке: семиологический аспект. Дис. ... доктора искусствоведения: 17.00.02. М., 2013.

³ Подробно об этом см.: *Стогний И.С.* Коннотативные свойства музыкального текста. Монография. М.: РАМ им. Гнесиных, 2013.

этом не сделать исследование научно-фантастическим? Что позволяет семиотическому анализу быть точным, действительно перспективным?

И.С.: Поиск объективных основ уже позволяет семиотике не впасть в фантасмагорию (*улыбается*). Путь объяснения здесь может быть долог, в целом диапазон семиотического анализа простирается от объективного до субъективного начала (в котором, кстати сказать, нет ничего плохого).

В сфере инструментальной музыки мы опираемся на жанры — это явление, безусловно, объективное. Есть интервальные, ладовые, тональные опоры, комплекс выразительных музыкальных средств. В современной музыке мы часто говорим о смысле, имея в виду не столько образное содержание, сколько конструктивное. Семиотический анализ учитывает предысторию каждого выразительного элемента, например, того же жанра. Однако при всей объективности в семиотике важна роль *субъективного* начала. Семиотика очень дружелюбно относится к личностному мнению. В большей степени этим занимается герменевтика — родственная семиотике наука, изучающая создание авторской или исполнительской интерпретации, что также важно в оценке смыслов музыкального произведения.

О.М.: Мне особенно близки эти научные наблюдения, поскольку в сфере моих интересов с самых первых шагов оказалась симфоническая музыка Рихарда Штрауса. Выход на проблему исполнительской интерпретации — одно из наиболее ярких впечатлений исследовательской работы, которая формировалась в Вашем классе

по специальности⁴. Это было ново и очень вдохновляло! Кто из композиторов сегодня в Ваших исследовательских планах?



О.О. Москвина и И.С. Стогний на Международной конференции «Опера в музыкальном театре: история и современность» (2021)
Здесь и далее фото из личного архива И.С. Стогний

И.С.: Мне многие имена интересны, например, творчество Владимира Мартынова, нашего современника. Однако основные симпатии связаны с музыкой *академического* направления XX века: она очень богата и для меня чрезвычайно информативна. Я бы хотела еще более подробно заняться творчеством Прокофьева, Вайнберга, Рябова...

Кроме того, все ученики моего класса имеют очень разные темы. Как правило, они приходят с уже готовым или почти готовым предложением. Я не возражаю им, тем самым расширяю и свой кругозор. Можно сказать, что направления задают и ученики.

⁴ Москвина О.О. Принципы нарративности в симфонических сочинениях Р. Штрауса. Дис. ... канд. Искусствоведения: 17.00.02. М., 2013. Диссертация написана и защищалась под руководством И.С. Стогний.

С.П.: Ирина Самойловна, как Вы сами вышли на путь семиотического анализа, на какой ступени профессиональной деятельности приняли это направление как близкое для себя и плодотворное для науки?

И.С.: Многие годы моей творческой лабораторией была та большая работа, которую я вела не только как преподаватель кафедры полифонии и анализа (ныне кафедра аналитического музыкознания), но и возглавляя Факультет повышения квалификации. Мне посчастливилось общаться с интересными людьми из многих областей науки, не только музыкальной, причем, формированием этого круга общения я занималась самостоятельно.

О.М.: Дискуссии, которые возникают в таком научном общении, помогают?

И.С.: Да, конечно. Скажем, тема моей докторской диссертации – «Процессы смыслообразования в музыке: семиологический аспект». В это название не выведена стержневая идея, которая объединяет все, что в диссертации есть. Это идея глубоко спрятанных *деталей* – то, что у меня называется *коннотациями*, – которые постепенно прорастают и выходят на первый план музыкального произведения. Вскоре оказывается, что какой-то, на первый взгляд, малозначимый элемент, сущая мелочь, фактически определяет всю концепцию сочинения.

Для меня это было открытием. Может быть, это уже давно понимают другие ученые, но мне показалось, что в хорошем талантливом произведении должна быть та периферия, где рождается сначала мелкий, а потом возрастающий как снежный ком процесс, который превращается в глобальную идею. Если этого нет, то произведение оказывается бедным по смыслу, плоским, однобоким.

О.М.: До Вас как раз никто в музыковедении об этом не говорит.

И.С.: До меня были собраны, конечно, разрозненные наблюдения. В одной из своих статей я говорю о том, что все ученые в той или иной степени семиотики – так же, как и я. Никто с нуля не начинает.

О.М.: Вы систематизировали предшествующее знание.

И.С.: Да. Сначала была выделена сама проблема. Она долго не улавливалась. Надо было ее с периферии «вербализовать», понять ее, определить, что деталь целого в семиотике и, например, форма второго плана, о которой все мы говорим, в общем-то, явления одного порядка. *Второй план* – то, что скрыто за очевидным, то неочевидное, что является пружиной и смыслом произведения, тайным смыслом. Я занимаюсь скрытыми смыслами, которые и называю коннотациями (для видимого уровня применяется термин деннотация). На сегодняшний день проблема оказалась настолько обширной, что претендует на построение в будущем *теории музыкальных коннотаций*.

С.П.: Расскажите подробнее о Ваших авторских (можно их так обозначить?) конференциях и в целом о творческой атмосфере в рамках мероприятий Факультета повышения квалификации. Сколько лет Вы им руководили?

И.С.: 15 лет... Что такое ФПК? Конечно, это поиск новых форм работы, поиск новых людей. Главной сферой деятельности на ФПК были учебные программы. Однако вскоре показалось интересным собирать специалистов на тематические конференции. Сначала мы организовали научно-практическую конференцию «Семантика музыкального языка», она прошла трижды – в 2001, 2003 и 2005 годах. Затем появилась конференция «Христианские образы в искусстве», ко-

торая тоже стала регулярной и собиралась каждые два года с 2005 по 2011-й. Участниками были известные лидеры в гуманитарных научных областях.

О.М.: Вам удавалось объединить разных ученых, учитывая, что и средства связи были другими, нежели сейчас. Их нужно было заинтересовать тематикой конференции...

И.С.: Конечно, и люди приезжали. Это произошло не сразу, первые конференции проходили, в основном, при полупустых залах. Постепенно они приобрели вес и авторитет, появились постоянные докладчики и слушатели, которые хотели в них участвовать. Надо сказать, что, хотя эти конференции не проводятся уже более 10 лет, до сих пор возникают просьбы их возобновить. Самое главное, были изданы сборники, ни один доклад не остался неопубликованным. Сегодня поступают просьбы и от Министерства культуры разыскать эти издания, но мы не можем их предоставить, поскольку их просто нет в наличии. Их все уже раздали, какое-то время они продавались с ведома нашей бухгалтерии. То есть в этом есть потребность до сих пор.

С.П.: Планируете ли Вы возобновить проведение конференций или, быть может, запустить проект по переизданию сборников трудов конференции?

И.С.: Да, планирую, причем, скорее всего, в несколько обновленном формате. Может быть, не «Христианские образы в искусстве», а «Семиотические проблемы искусствознания». Хотя некоторых исследователей словосочетание «музыкальная семиотика» пока еще пугает, но хочется расширить их представления...

О.М.: Название первой конференции соответствует сфере Ваших научных интересов, а вторая все-таки удивляет — не обобщенно «духовная музыка», а именно «христианские образы». Как пришла эта идея?

И.С.: Нет, нет, это тоже в сфере моих личных интересов. Захотелось выяснить, что делается в других видах искусства в этой — очень богатой — области. Здесь многое совпало, прежде всего, знакомство и общение с теми людьми, которые были в эту тему глубоко внедрены и которые могли рассказать нечто особо интересное: Вячеслав Вячеславович Медушевский и Евгения Ивановна Чигарева, Марина Владимировна Петрова из Третьяковской галереи, Валентин Семенович Непомнящий из Института мировой литературы... Постепенно стало ясно, что духовная тема бездонна, бесконечна, что она интересна всем — не обязательно воцерковленным людям. Она близка каждому, кто занимается искусством, она суть академической музыки.

С.П.: Ваши начинания оказались очень своевременны. Например, можно вспомнить проект Свято-Тихоновского университета, связанный с публикацией исследований в области христианской архитектуры и иконографии, или исследования Третьяковской галереи о живописи художников-передвижников с акцентом на христианские образы. Сегодня этот подход, емко выраженный в названии Вашей конференции, становится определяющим и для учебных курсов. В данном случае говорю о своем — история музыки. Причем сегодняшние участники этого актуального процесса иногда не знают о своем удивительном единомыслии на расстоянии.

И.С.: Конференции как раз позволяли обнаружить этот общий смысл и давали много импульсов к исследованиям. Именно в этом профессиональном общении рождалось много собственных идей, о

которых раньше не думал и не подозревал. Некоторые из них воплотились в статьи или даже в положения диссертации. Это та среда, которая всегда обогащала. Можно назвать это чисто научной корыстью: послушать, что делают другие, найти импульсы для своей будущей работы.



И.С. Стогний на конференции в РАМ имени Гнесиных

О.М.: Ирина Самойловна, сегодня Вы ежегодно принимаете участие в конференциях в разных вузах страны, периодически проходят Ваши мастер-классы. В каких городах они были?

И.С.: Ростов-на-Дону, Саратов, Тамбов, Хабаровск. Вообще все эти творческие формы мне интересны. Они направляют к новому взгляду на известные, казалось бы, вещи. Дело в том, что именно в момент выступления очень остро понимаешь свои неделанные, недодуманные, незаконченные идеи, которые можно было бы дополнить. Почему-то это открывается именно во время выступления.

О.М.: Иными словами, происходит максимальная концентрация, максимальная напряженность работы мозга?

И.С.: Да, становится понятно, что именно в этом месте я до конца не додумала, в каком направлении можно пойти дальше. Именно этим и привлекают выступления — возможностью что-то еще открыть во время своего же доклада. При работе дома за компьютером кажется, что ты уже сделал все, что мог, но на самом деле в «экстремальной» ситуации выясняется, что это не так.

С.П.: Ирина Самойловна, ощущаете ли Вы себя причастной к «строительству» отечественной научной и образовательной традиции? В чем, на Ваш взгляд, проявляется себя Гнесинская школа, которой Вы принадлежите?

И.С.: Безусловно, каждый педагог обязательно является «строителем» в области педагогических приемов, новых поворотов уже известных тем и, может быть, совершает какие-то открытия. Каждый педагог — творец науки и образования того времени, в которое он живет.

Гнесинская школа для меня — это, прежде всего, равноправие различных направлений музыкальной науки (и исполнительской культуры также). Нет ничего такого в музыковедении, что не попало бы в фокус Гнесинской школы. Мне представляется, что теоретическое знание у нас представлено обширно и очень многообразно. Кроме того, наша школа настолько открыта, что ученики многое вносят в музыкальную культуру. Нет диктата преподавателей, идет совместная работа, истина рождается во взаимодействии. Много нового нам общают студенты, и у нас всегда есть положительная энергия для познания.

С.П.: Расскажите, пожалуйста, о начале своей профессиональной деятельности, как складывался Ваш творческий путь? Вы начали работать сразу в alma mater?

И. С.: Я окончила Гнесинский институт с дипломной работой, посвященной старинной полифонии (она была написана в классе Людмилы Владиславовны Попеляш), и как молодой специалист на время вернулась в музыкальное училище на Украине. Мне «скинули» все предметы, которые только существуют. Это было очень полезно. Готовилась каждую минуту, в трамвае, автобусе, электричке, — а это все был мой путь, потому что я жила в Днепропетровске (ныне — Днепр), а преподавала в Днепродзержинске. Брала с собой в дорогу все, что можно было, чтобы с толком провести время.

В институте оказалась снова, поступив в аспирантуру в класс Федора Георгиевича Арзаманова. В Москве после рождения дочери смогла устроиться только в вечернюю музыкальную школу, где ученики были разные — и школьники, и люди много старше меня. Получила интересный опыт одновременного объяснения и ребенку, и взрослому. Они воспринимали на одном уровне: дети — благодаря скорости реакции, а взрослые — жизненному опыту.

С.П.: В первой половине дня — семья, во второй — вечерняя школа. Когда и где брали силы для работы над диссертацией?

И.С.: Кандидатскую диссертацию⁵ я написала практически в перерывах между уроками в музыкальной школе. Общение с детьми располагало к размышлению. Понятно, что новых идей для диссертации из школьных программ почерпнуть нельзя, но в целом создавалась такая энергетика, которая приводила к результатам. Под рукой

⁵ Волкова (Стогний) И.С. Понятие инварианта в концепции музыкального языка : дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. Л., 1986.

всегда был блокнот, я записывала свои вспышки озарения, они могли, например, возникнуть в перерыве между проигрыванием диктанта. В этом смысле я очень благодарна музыкальной школе. Конечно, сильно уставала, как и все, но эта работа не только не заглушила элемент поиска и стремления к научному знанию – скорее, наоборот, привела мой мозг в состояние потрясающей бодрости.

О.М.: В Гнесинском вузе это была сразу кафедра полифонии и анализа?

И.С.: Несколько лет я была лаборантом, при этом продолжала преподавать в вечерней школе и эпизодически читала лекции в институте культуры (самое сложное было туда добратся). Специфика института культуры была в том, что студентов постоянно забирали петь, танцевать в клубы, парки, на открытия мероприятий. Занятия проходили в исключительном случае. Обидно было, когда на месте общали, что занятие отменяется. Но я имела практику готовиться в переездах, поэтому в пути, если только не стояла на одной ноге, а это все-таки периодически случалось, мне удавалось почитать или обдумать, например, статью. Это время было не очень приятным, но мне удавалось его заполнить.

Со временем второстепенные работы стали отпадать. Я поняла, что Господь Бог за мной наблюдает, меня воспитывает, организуя меня так, что я в конечном итоге стала человеком мобильным, ориентирующимся в научной организации труда.

О.М.: Вам приходилось развивать в себе организованность?

И.С.: Да, да. До определенного момента я имела плохие отношения с бумагами. Будучи студенткой, могла в одном конспекте писать лекции по разным предметам, терять и находить свои записи,

сделанные на отдельных листах. В общем, это была сплошная мука, которая знакома некоторым людям. Но в Гнесинском институте судьба меня привела, прежде всего, к организационной работе, которая приучает к порядку, к системности, развивает неочевидные способности, проявляющиеся в человеке исподволь.

Работая лаборантом, я помогала проректору по научной работе, занималась мониторингом второй половины нагрузки преподавателей – как известно, это нагрузка научная. В конечном итоге я вдруг почувствовала интерес к организационной работе, поняла, что она тоже творческая. Вообще, нетворческой работы в жизни, может быть, и нет. Все зависит от того, как человек ее воспринимает. Понятно, что есть такие виды работы, на которые я бы никогда не согласилась. Но то, что окружало меня, очень пригодились в жизни.

С.П.: Организационная работа до сегодняшнего дня Вас не отпускает. Все это достаточно ответственные, крупные дела: сначала руководитель Факультета повышения квалификации, затем ответственный секретарь Приемной комиссии, сегодня – главный редактор научного журнала «Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных»...

И.С.: 12 лет я была ответственным секретарем Приемной комиссии. Очень тяжелая должность, но мне было интересно. Сейчас на этом поприще работает целая команда. Выросло количество документации – это верно, но и техническая обработка материала теперь другая. В то время все заполнялось «от руки».

Журнал «Ученые записки» возглавляю уже пять лет. Здесь своя специфика – новые авторы, новые темы. Это очень интересно. Считаю плодотворным сложившийся союз с научным редактором журнала –

кандидатом искусствоведения Верой Владимировной Садовой. Прекрасный редактор, замечательный музыкант.



И.С. Стогний в Резиденции Виттельсбахов (Мюнхен)

О.М.: Это талант — с позитивной стороны посмотреть и оценить происходящее и ту нагрузку, которая на Вас ложится. Ведь нагрузка может оказаться избыточной... Теперь, с опытом, это, наверное, не так страшно, а в первые годы работы могло напугать?

И.С.: Я считаю, что принцип «не догону, так согреюсь» очень нужен в жизни, он действительно дает хорошие плоды. Однако главное, что, может быть, меня спасает, — это то, что мне очень интересны все люди! С удовольствием работаю с людьми, и они мне никогда не мешают, не раздражают. Изначально я позитивно ко всем настроена. Люди создают ту среду, которая мне очень интересна.

Даже в повседневной жизни это проявляется. Например, когда есть время в метро, я выбираю какое-нибудь лицо, наблюдаю, подбираю имя, угадываю профессию, может быть, примеряю к нему другую прическу, если мне кажется, что эта неудачная, то есть моделирую и создаю образ... Второй профессией я себе всегда представляла профессию психолога. Кажется, мне бы это удалось.

О.М.: Интересно, что это проявилось в Вашей научной деятельности: в семиотике очень много психологических тонкостей, полутонов, намеков, сложных смыслов. Вы как аналитик легко это замечаете.

И.С.: Абсолютно верно, это поиск внутренних связей. В детстве я часто слышала от своего папы-врача слово «микросимптоматика». Возможно, именно такое восприятие и зародилось в моем тогда еще детском сознании. Очень интересны все эти микропроцессы, а главное, что они очень информативны. Коннотации — тоже «микросимптоматика», которая в произведении развивается в «большую симптоматику», принимая участие в целостной концепции.

С.П.: Много из того, кем были, как жили и что делали Ваши родители, находите теперь в себе?

И.С.: Родители у меня были учеными. Мама — экономист. В чем-то я повторяю ее судьбу: она была и преподавателем, и деканом факультета, то есть человеком организованным и много работающим. Мама и на пенсии не остановилась, а перешла работать в газету, в тот отдел, который занимается помощью людям. У нее была потрясающая способность добиваться результата. Такая сильная воля при довольно мягком характере.

О.М.: Как Вы!

И.С.: Как я, да. Мы во многом похожи, хотя она была немного тверже, чем я.

О.М.: Ваша семейная черта — взаимодействие с довольно большим количеством людей.

И.С.: Верно. Отец тоже преподавал в институте. Был биохимиком. В нашей стране это достаточно молодая наука. Он занимался биохимией человеческого мозга. Рядом с ним всегда было много студентов, сохранились фотографии того времени. Его любили, поскольку он был открытым человеком, отдавал студентам много сил. Он очень много знал и практиковал.

В Великую Отечественную отец работал в должности начальника санитарного поезда, был хирургом. Вместе с медсестрой вытаскивал с поля боя раненых, и тут же их нужно было оперировать, нередко прямо в окопах. Медицинских средств (кроме спирта) не было, обезболивающих тоже. Только скальпель, спирт и бинт, но что-то делать нужно, причем, немедленно. И он делал, проводил операции, ампутировал. Конечно, он очень много знал о войне. Рассказывал, что умирающие люди особенно ценят жизнь. Вспоминал, как слышал крики: «Доктор, ну еще хоть пять, хоть десять минут дай пожить».

О.М.: Люди даже при сильнейших болях хотели не отмучаться, а именно держались за жизнь...

И.С.: Да! И это был его лозунг — «держаться за жизнь всеми силами», так как жизнь — это самый дорогой подарок.

О.М.: Были ли в Вашей семье музыканты?

И.С.: Профессиональных музыкантов не было, но мама сама научилась играть на мандолине. В то время это был редкий инструмент, она его очень любила. Потом научилась играть и на гитаре, у нее был прекрасный слух.

О.М.: Ирина Самойловна, как воспитывали Вас Ваши родители — это было авторитарное воспитание или, может быть, полная свобода?

И.С.: Я просто видела, чем занимаются мои родители. Никто меня специально не воспитывал. Им всегда было некогда, но я была при них. Мама писала статьи, учебники, папа — свои научные работы. В этой атмосфере я и выросла. В доме всегда было много интересных людей — друзей родителей, проводились совместные праздники. Что важно — взрослым всегда были интересны дети, они никогда не отмахивались от нас. Мы готовили выступления, и нас с большим интересом слушали. Все сидели за большим общим столом, никогда не звучали фразы вроде «ты еще маленькая, ты не поймешь». Всё и всегда было вместе.

Я так же воспитывала свою дочь. Это фактически моя подруга, причем, намного умнее меня. Я часто спрашиваю ее мнение, а она сейчас спрашивает мнение своего сына⁶, которое очень ценит.

С.П.: Ваша дочь — филолог. Она продолжает династию преподавателей ВУЗа и много лет была доцентом в Высшей школе эко-

⁶ Дима Галатенко — внук Ирины Самойловны. В свои 16 лет — серебряный призер Международной математической олимпиады в России и победитель Всенемецкой олимпиады по математике.

номики⁷. Помню, Вы рассказывали об учебных поездках в Италию, которые она организовывала для своих учеников. Это тоже обучение примером?

И.С.: Да, конечно! Она очень любит заниматься педагогикой. Моя дочь, как и я, обожает учиться, и сейчас она обучается в магистратуре Геттингенского университета в Германии.

Однако я хочу сказать немного о другом. Для меня Юля оказалась личностным тренером – не специально, конечно. Она меня научила терпению своим очень сложным характером. Конечно, эта черта есть у любого интересного и талантливого человека. Со временем я поняла, что нужно делать и как прорываться через те жуткие стены, которые обязательно выстраивает сложный характер. Продвигаясь через них, я поняла, что сдала, наверное, самый важный экзамен в своей жизни, постепенно вернув себе любовь и хорошее отношение дочери. В детстве каждая мама до определенного возраста имеет авторитет у своего ребенка, но, когда ребенок становится взрослым, создает свою семью, начинается очень много претензий к родителям, которые его воспитывали неправильно. Были и слезы, и обиды, но постепенно пришлось понять, что терпение – это, действительно, великая вещь, и очень важно не ожесточиться, не обидеться навсегда, а найти какие-то пути решения. Да, преодолевая себя, да, в какой-то момент думая, что теряешь себя перед ребенком, но это ложное чувство, ведь в этот самый момент себя и обретаешь, потому что с любовью ищешь ключ к своему ребенку. Ключ иногда лежит далеко, приходится пройти через очень тяжелые эмоции, буквально, наступив себе на горло.

⁷ Юлия Николаевна Галатенко — дочь Ирины Самойловны, кандидат филологических наук.

О.М.: Не перестаю удивляться Вашему умению любые обстоятельства на разных этапах своей жизни обратить в позитивный опыт.

И.С.: Да, может быть, но в тот момент, конечно, этого не понимаешь — позитивный он или нет. Я для себя сформулировала одну вещь: педагог становится хорошим педагогом, когда у него были сложные ученики. С ними оттачивается не знание, а именно педагогическое мастерство — в области поиска подходов.

О.М.: В этом процессе проявляется колоссальный личностный рост, правильно?

И.С.: Да, невероятный! Я считаю, что духовное взросление и возникает в связи с тем, что становишься либо действительно матерью, либо ты такой педагог, как мать. Например, Ирина Петровна Сусидко, которая мать всем своим ученикам, и которая их всех объединяет, находит индивидуальный подход к каждому. Это семья, в которую входят дети разных поколений, разных интересов. Она умеет их всех объединить, и она действительно им всем настоящая мама.

О.М.: Чем отличаются современные студенты от тех, которые пришли к Вам в начале педагогической карьеры?

И.С.: Практически не отличаются. Я не считаю, что они стали хуже или лучше. В целом они такие же — есть увлеченные и безразличные, есть воспитанные и не очень, есть прогульщики, есть отличники.

О.М.: Может быть, Вы стали другой?

И. С.: Конечно! Появился большой опыт, уверенность. Вместе с тем есть и потери, которые также приходят с опытом. Это как заиграть

пьесу. Если мне не удастся обновить материал (добавить новые примеры, обратить внимание на какой-то новый ракурс), то становится очень уныло. Безусловно, базовый материал я всегда расскажу, но для того, чтобы заинтересовать студента, я сама должна быть на подъеме, мне самой должно быть интересно, а все, что замылено и заигранно — мне не интересно, а значит, и не будет интересно студентам. Опыт опытом, но всегда должна быть та часть, где опыта еще нет, но есть элемент новизны.

О.М.: Как поддерживать преподавателю этот интерес в себе?

И.С.: Наверное, у каждого педагога есть определенный страх – профессионально не понравиться. На первых порах это боязнь забыть материал, позднее это часть страха, которая имеет положительную коннотацию — страх оказаться не на должном уровне... Но к страху обязательно должен прилагаться интерес.

О.М.: Ирина Самойловна, какие советы Вы могли бы дать молодому преподавателю для групповых занятий и в индивидуальном классе?

И.С.: Если говорить о групповых занятиях, то, конечно, ближе держаться к интересам самих студентов. В любом теоретическом курсе есть обязательные программные требования, вопросы, произведения, которые нужно изучить. Однако очень важно учитывать специальность аудитории: если перед вами дирижеры-хоровики, то основной акцент делается на хоровую музыку, если это оркестранты, нужно максимально задействовать их репертуар.

В индивидуальном классе нужно, прежде всего, выяснять сферу интересов ученика. Бывает так, что он сам пока не определился, или

ему интересно все. В этом случае необходимо совместно нащупать тему будущего исследования путем изучения пробных материалов – например, в течение первого семестра совместно слушать музыку и обсуждать ее.

Важная часть работы со студентом – построение взаимоотношений «учитель – ученик». Нужно быть максимально открытым, уметь учиться у своих учеников. Студенты очень часто своими вопросами создают стимул для дальнейшего изучения темы, творчества композиторов. Например, в своих лекционных курсах я всегда делаю опрос, чтобы выяснить, что было бы важно для этой конкретной группы в зависимости от специальности, и часто, ориентируясь именно на их интересы, выстраиваю программу занятий. Наряду с объяснением обязательных тем и произведений я всегда учитываю обратную связь. Еще у меня нет жестких, «абсолютных» критериев оценки.

О.М.: Получается, у Вас индивидуальный подход к каждому студенту в группе? Вы оцениваете каждого в зависимости от его личного уровня?

И.С.: Да, у каждого студента свое «отлично», «хорошо» и «удовлетворительно».

О.М.: Как у Вас проходит экзамен?

И.С.: Часто нестандартно, в форме коллективных ответов, где принимает участие вся группа. Это, конечно, не всегда так, зависит от самих студентов, от их умения импровизировать на заданную тему.

О.М.: У Вас нет определенных схем, форм отчетных занятий – семинаров, экзаменов? Каждый раз это новый путь с конкретной группой?

И.С.: Да, это вариативно — бывают и утвердившиеся формы с ответами на вопросы, но внутри этой довольно жесткой схемы будут варианты для импровизации, потому что я очень люблю импровизировать. Мне кажется, мне это многое дает.

С.П.: Это многое дает и студентам. Из своего опыта обучения помню удивительную веру в себя, которая естественно возникла после занятий с Вами. Ирина Самойловна, как Вы оцениваете свой интерес к учебным дисциплинам теоретического направления, какая из них Вам наиболее близка: сольфеджио, гармония, полифония, анализ музыкальной формы?

И.С.: Уже долгое время я преподаю анализ музыкальных форм. Однако я вела все эти дисциплины и, надо сказать, что очень трепетно отношусь к каждой. Например, сольфеджио — это не только развитие слуха. В сольфеджио происходит новое познание самого себя. Через звуки открываются новые уровни восприятия мира, а не только интервалы и тональности. Гармония развивает логику, но это и тот предмет, который включает в себе творческую мысль. В задачах по гармонии я любила сделать что-то не так, как положено, например, каденцию. Это тот самый предмет, который дает возможность уйти от стандарта. Полифония — это моя любовь. Царство композиции, в котором вдруг чувствуешь себя, пусть с маленькой буквы, но творцом...

О.М.: Ирина Самойловна, поделитесь Вашими слагаемыми успеха.

И.С.: Здоровье — прежде всего! Нагрузку надо выдержать физически, но в здоровой психике будут зарождаться здоровые импульсы, которые направляются в нужное русло. Даже если физически человек не очень здоров, то психическая составляющая должна его беречь, это

драгоценность, которую нужно хранить, а не расходовать на какие-то обиды и прочие глупости. Под словом «здоровье» я понимаю энергию. Например, если это физическая нагрузка, если человек занимается спортом для здоровья, то он занимается им для того, чтобы была энергия. Если он занимается наукой, то у него появляется интеллектуальная энергия. Я бы это поставила во главу угла.



И.С. Стогний в путешествии

О.М.: Сейчас актуальна установка «быть в ресурсе». Что такое для Вас «быть в ресурсе»?

И.С.: Это быть востребованным. Да, ты устаешь, но ты в этом нуждаешься. Нам длительный отдых практически и не нужен. Он необходим как пауза для перезагрузки, подтянуть здоровье.

Для меня отдых — путешествие, причем, любое. Совсем необязательно ехать за границу. Можно по Москве попутешествовать, по Подмосковию, съездить в деревню. Всякий раз это возможность увидеть мир, его новый кусочек. Я однажды была в Хабаровске и с удо-

вольствием это вспоминаю. То есть я такой сумасшедший путешественник, которому все надо! Мне все интересно!

О.М.: Ведете ли Вы заметки или, может быть, дневники путешествий?

И.С.: Нет, ничего не пишу. Я очень много фотографирую. При неограниченных возможностях я бы все свое время посвящала путешествиям. Я читала интервью с одной пожилой англичанкой, которая пять лет живет на корабле, постоянно путешествуя. Вот это моя мечта.

О.М.: Ирина Самойловна, расскажите, пожалуйста, немного о Ваших планах.

И.С.: Если говорить о планах, то я пока не успеваю составить второе пособие по анализу для дирижеров-хоровиков. Первое сделано. Есть еще задумки, о которых пока не хочу говорить. На все нужно время. Время — это та категория, которая приспосабливается к нам. Оно может растягиваться, может ужиматься. Все дело в нас, в нашей психике. Иногда кажется, что нет ни минутки свободной, куда еще можно вставить дела? Но вдруг, откуда ни возьмись, берется время на необходимое.

С.П.: Ирина Самойловна, поздравляю Вас с замечательным юбилеем! Благодарю за общение! В беседе с Вами много важного и плодотворного для нас — Ваших учеников, и в целом для музыкальной науки, которой все мы посвятили жизнь. Спасибо за Вашу открытость и любовь. Пусть все таланты, данные Вам, процветают, и исполняются Ваши мечты в профессии и в семье!

О.М.: Спасибо огромное, Ирина Самойловна! Я Вас знаю уже очень давно и для меня большая честь быть Вашей студенткой, ас-

пиранткой, выпускницей и, я надеюсь, в какой-то степени, продолжателем Вашего педагогического и научного наследия. У Вас очень много проектов, замыслов, много мероприятий в прошлом, настоящем и, надеюсь, в будущем. Хочется пожелать Вам непременно реализации всех Ваших творческих и научных планов. Это очень нужно всем нам – Вашим студентам, детям, коллегам....

И.С.: Спасибо! Да, я только так и мыслю. Человек должен быть занят! Занят тем, что ему интересно и тем, что ему приносит радость!

*Беседовали Ольга Москвина и
Светлана Павлова*

